

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА И СМЫСЛ ПОНИМАНИЯ: СУЩНОСТНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Наталья Викторовна Кропотова

Автор анализирует факторы, влияющие на культурную трансформацию в условиях глобализации, и приходит к выводу о том, что диалогу как средству взаимопонимания между разными этническими идентичностями препятствуют существенные различия в смысловых и ценностных структурах их культур.

Ключевые слова: современность, модернизация, глобализация, культура

Авторка аналізує чинники, які впливають на культурну трансформацію в умовах глобалізації, та робить висновок, що діалогу культур заважає значна несхожість їхніх ціннісних структур.

Ключові слова: сучасність, модернізація, глобалізація, культура

The author analyzed factors that influence the culture transformation under globalizing conditions. She comes to the conclusion, in particular, that ethnic cultures' dialogue as real means of finding understanding is hindered by grate difference between their sense and value structures.

Key words: modernity, modernization, globalization, cultural

Понимание как важнейшая сторона духовной жизни людей и диалог как возможность найти понимание замечаются и становятся предметом для размышления и исследования в те периоды нашей жизни, когда «автоматизм интерпретации реальности перестает действовать» [1, с. 67], когда «несогласие в большей степени бросается в глаза, чем согласие» [2, с. 11].

Современность всё чаще и чаще создает ситуации тотального непонимания, в результате чего складывается впечатление, что «мир катастрофически быстро теряет ресурс рационально-рефлексивной конструктивности, проваливается в бездну нового иррационализма» [3, с. 137]. Именно такие «пограничные эпохи», по мысли К. Мангейма, заставляют всё большее число людей размышлять не только о природе вещей, но и о самом мышлении, задумываться над тем поразительным фактом, что «один и тот же мир может представляться различным разным наблюдателям» [2, с. 11]. Подмеченная К. Мангеймом закономерность не оставляет современности надежды на уникальность: ведь ещё для софистов Древней Греции все субъективные понимания-мнения представлялись равноценными; более того, Ксениад утверждал, что все мнения людей ложны [4].

И всё же в определённом смысле современность уникальна – прежде всего обилием глобальных проблем и масштабами преобразований.

В академическом дискурсе понятие современности используется по крайней мере в двух своих аспектах – темпоральном и сущностном. Во втором значении современность (modernity) вбирает в себя идеальные представления о личности и об обществе в их соответствии достигнутому уровню развития совокупного человечества. С этой точки зрения современное общество (modern society) «включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного – ориентацию на инновации и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность; преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, то есть способность производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и другое» [5, с.117].

Но в то же время «мы вправе рассматривать современность как эпоху, когда некие структурированные принципы стали определять общее для всего мира состояние» [6, с. 157]. Такими универсальными, едиными для всего человечества принципами в концепции современного общества выступают неolibеральные ценности, зародившиеся в условиях Западной Европы. «Цивилизованное общество» в рамках такого подхода – это сообщество, основанное на ценностях Запада.

Своеобразие современности как качественного этапа в развитии человечества и как эпохи доминирования неolibеральных («общечеловеческих») принципов заключается в «массовом переходе» традиционных обществ к современному обществу – их модернизации (осовременивании).

Строго говоря, понятие «модернизация» (modernization) используется в трех значениях [7]:

1) в наиболее общем, неспецифичном – как синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений;

2) как комплекс социальных, политических, экономических и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI века и достигших апогея в XX веке в облике современного общества;

3) в узком смысле – в качестве характеристики стратегии отсталых, или слаборазвитых, обществ, стремящихся двигаться от периферии к центру современного общества по тем или иным рецептам.

Чаще всего термин «модернизация» используется именно в последнем, узком, смысле.

Весь спектр мнений относительно однородности или многообразия современных обществ Б. Виттрок [6] сводит к двум точкам зрения:

1) либеральная демократия и рыночная экономика в той специфической форме, в какой они проявляют себя в последние десятилетия в США и Западной Европе, являются единственно приемлемой моделью общественной организации и должны быть распространены на весь мир;

2) модернизацию традиционных обществ следует осуществлять посредством приспособления культурных идентичностей к набору получивших всемирное распространение идей и практик с сохранением тех культурных форм, которые были приобретены ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации.

Первая из вышеобозначенных точек зрения по сути своей соответствует «догоняющей» модернизации, а вторая – развитию на основе собственной идентичности в типологии модернизаций В.Г. Федотовой [5].

Глобальный (всемирный) размах модернизационных процессов в сочетании с формированием единого общемирового финансово-экономического и информационного пространства на базе технологической революции в области информатики, транспорта и связи дает основание говорить о глобализации как о ведущем процессе XXI века, который «в полную силу ещё только разворачивается, его объективные и субъективные факторы и последствия во многом не ясны...» [8, с. 54].

Модернизационная «подкладка» глобализации в значительной степени оправдывает ее трактовку как «всемирного распространения либерально-капиталистической модели с присущим ей сочетанием политических и культурных ценностей» [19, с. 15] и даже как «процесс постепенного, а когда и спорадического распространения новой цивилизации» [10, с.88]. Косвенным подтверждением такой точки зрения можно считать значительный вес «культурной» составляющей в сложных и не до конца ясных процессах глобализации. Модернизационная трансформация в любом своем варианте, безусловно, требует изменения идентичности людей, их адаптации к новым рамкам самоотождествления, которые соответствовали бы ценностям и социально-экономическим реалиям современности; одновременно традиционная культура как важнейшее условие и в то же время результат выживания («преодоления тенденции к катастрофической дезорганизации» [11, с. 13]) общества и отдельных индивидов «испытывается на прочность» – возникает иллюзия «сжатия мира», когда множество удаленных друг от друга культур с помощью современных средств коммуникации странным образом сближаются; повсеместно распространяются унифицированные стандарты потребления («массовая культура») и сопутствующая им индустрия развлечений.

В «глобальном мире» все «общечеловеческие» ценности и ориентиры получают априорное доминирование по отношению к местным (локальным) ценностям, включая и этнические; нарастает тенденция к гибридации, «перемешиванию» культур при слабом сохранении их локально-национального своеобразия [12]. Эффект усиливается за счет ослабления в глобализирующемся мире функций национальных государств. Политические границы больше не совпадают с границами финансово-экономических рынков, культурных и информационных пространств; обостряются противоречия между этническими и политическими принципами социального структурирования. В результате формируется качественно новая и в определенном смысле агрессивная мировая среда, которая активизирует этнополитические процессы, делает их источником серьезных потрясений и конфликтов [13].

В условиях модернизационных трансформаций – резких, подчас революционных изменений экономического уклада, социальной структуры и/или этнического состава общества, нарушения религиозно-конфессиональных равновесий, когда сопрягаются, сталкиваются, наслаиваются разные, часто достаточно антагонистические, культурные системы и способы мышления, в сознание людей входит мысль о равноправии множественных человеческих технологий по освоению действительности и как следствие – признание плюралистичности человеческого бытия. Такая ситуация характерна для многих регионов современного глобализирующегося мира, в котором миграции больших человеческих масс и связанные с ними социально-экономические подвижки становятся привычными. Особенностью коммуникаций такого типа К. Мангейм считал то, что «развивавшиеся до сих пор независимо друг от друга формы мышления и опыта

проникают в одно и то же сознание и заставляют интеллект обнаружить непримиримость противоречивых концепций мира» [2, с. 13].

Многокультурность обуславливает и стимулирует поиски человеком собственной идентичности, смысла жизни, подходящих культурных образцов как адаптационных механизмов, способных гармонизировать его отношения с ускользающей реальностью, ибо укорененные в прошлой культуре программы жизнеобеспечения больше не эффективны: они исчерпали себя! В обществе резко усиливается интерес к различным религиозным и философским доктринам, историософии, этническим культурам, этнической истории, этнопедагогике – образно говоря, формируется «новый культурный ландшафт» [14], предопределенный многосторонними социокультурными сдвигами и новыми культурными интенциями.

С точки зрения С. Хантингтона, глобальное возрождение религии и возвращение религиозного фактора в политику в форме фундаментализма является прямым следствием модернизации: «В незападных обществах это возрождение почти обязательно принимает антизападную направленность, приводя к отвержению западной культуры...» [15, с. 89].

Динамика и мощь разрушительных социальных явлений свидетельствуют о «высвобождении огромной социально-психологической энергии, которая не может быть канализирована через модели рационального приспособления к среде в ситуации неравного партнерства» [16, с. 67]. «Это скорее симптом поиска образа жизни, более комфортного для людей, чем сложившийся в современной цивилизации» [17, с. 12].

По меткому замечанию одного из авторов, «народы еще могут признать техническое или даже политическое превосходство соседей, но они никогда не признают превосходство культур» [18, с. 62]. Нельзя не допустить возможность существования объективной основы такого «самоуверования культур», если, в соответствии с дефиницией В.С. Степина [19, с. 61], под культурой понимать систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех её основных проявлениях. Как известно, ядро культуры составляют наиболее общие идеи (универсалии культуры), которые «человек и сообщество может про- и переживать, используя их как источники смыслопорождения» [20, с. 73]. Её прагматическим аспектом являются «культурные образцы» («способы жизни»), используемые людьми в качестве реальных механизмов, помогающих им решать конкретные задачи социального существования. О том, насколько органичной и взаимоувязанной является система национальной культуры можно судить по факту наличия у каждого народа специфических общепринятых измерителей динамики явлений («национальных мерок») [21].

«Для человека, сформированного соответствующей культурой, смыслы её мировоззренческих универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпция, в соответствии с которой он строит свою жизнедеятельность» [19, с. 67]. Иными словами, носители конкретной культуры зачастую неспособны критически воспринимать те фундаментальные принципы, на которых она зиждется, ведь «по существу, всякая попытка рефлексии равнозначна выходу за пределы данного мира или переходу в другой мир» [22, с. 44].

Эта особенность ценностно-смысловой системы существенно осложняет взаимопонимание цивилизаций (как альтернативу их столкновения). Рассматривая проблему современности в ракурсе культуры, следует согласиться с мнением И. А. Василенко, утверждающей, что «основной конфликт между цивилизациями – это всегда конфликт их различия, конфронтация значений или столкновение альтернативных способов реализации основных человеческих потребностей... Традиционные аналитические средства совершенно бессильны и при столкновении индивидуальных «миров», и при столкновении целых цивилизаций. У каждого «мира» (цивилизации) своя система оценок приоритетов» [22, с. 44].

Конечно, взаимопонимание между различными культурными системами, диалог культур как «их взаимная смысловая адаптация друг к другу» [23, с. 105], «коммуникативность как постоянная соотнесенность с другими (позициями, культурами и т.д.)» [24, с. 186] возможны при усвоении участниками коммуникации социально-культурного опыта друг друга, например, на базе общей исторической судьбы, перед лицом общей опасности, при необходимости совместного поиска путей решения общих задач и др. В целом же проблема понимания стоит тем острее, чем больше различие между смысловыми и ценностными структурами разных участников диалога.

И если это различие слишком велико, взаимопонимание вообще невозможно [25].

Литература:

1. Лекторский В.А. Междисциплинарный и философский подходы к проблеме понимания / Понимание как философско-методологическая проблема // Вопр. Философию - 1986. – №7. – С. 65-81.
2. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
3. Земсков В.Б. Одноликий Янус. Пограничная эпоха – пограничное сознание // ОНС.- 2001. – №6. – С.132-139.
4. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – СПб: Алетей, 1996. – 294 с.

5. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопр. Философии.*- 2000. – №4. – С. 3-27.
6. Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // *Полит. исслед.*- 2002. – №1. – С.141-159.
7. Штопка П. Социология социальных изменений. – М.:Аспект-Пресс, 1996. – 270 с.
8. Николаев А. Россия в глобальном мире // *Международная жизнь*, 2001. – №7. – С.53-89.
9. Ратленд П. Глобализация и посткоммунизм // *Мировая экономика и междунар. отношения.*- 2002. – №4. – С.15-18.
10. Покровский Н.Е.Вифлеемские звезды глобализации // *Социал. исслед.*- 1995. – №2. – С.88-97.
11. Ахизер А.С. Об особенностях современного философствования // *Вопр. философии*, 1999. – №8. – С. 3-18.
12. Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // *Социал. Исслед.*- 2000. – №6. – С.3-9.
13. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. II. Этнический радикализм // *Вестн. Моск. ун-та. Сер.18. Социология и политология.*- 2002. – №4. – С.3-39.
14. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // *Вопр. философии.*-1999. – №4. – С. 24-41.
15. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален // *Мировая экономика и междунар. Отношения.*- 1997. – №8. – С.84-93.
16. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // *Полит. исслед.*-2002. – №1. – С. 66-77.
17. Соколов В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности // *Мировая экономика и междунар. Отношения.*-2001. – №3. – С.3-14.
18. Разумов А. Проекция человека: на земле и на небесах // *Свободная мысль-XXI.*- 2001. – №7. – С. 62-74.
19. Степин В.С. Культура // *Вопр. Философии.*-1999. – №8. – С. 61-71.
20. Никитаев В.В. Пресса и журналистика в рамках культуры // *Вопр. Философии.*- 1998. – №2. – С.65-79.
21. Джунусов М.С. О мере своеобразия национальных культур // *Социал. исслед.*- 2002. – №5. – С.125-128.
22. Василенко И.А. Политический консенсус в гуманитарном диалоге культур // *Вопр. философии.*-1996. – №8. – С.42-53.
23. О философии, философском факультете и философах (Интервью с доктором философских наук, профессором В.В. Мироновым, деканом философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) // *Вопр. Философии.*-2002. – №5. – С. 89 – 111.
24. Петякшева Н.И. Проблемы диалога цивилизаций // *Вопр. Философии.*- 1996. – №1. – С. 186 – 189.
25. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI века. Размышления об итогах и перспективах междивизиционных противоречий // *Полит. исслед.*- 2001. – №6. – С.131-139.